

БАНКОТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МЕТОДИКА ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Уголовный кодекс Российской Федерации содержит три основных статьи, которые отражают уголовную ответственность за преступления, связанные с банкротством: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ); преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Авторами дается уголовно-правовая характеристика данных составов, а также исследуются проблемы отграничения банкротных дел от иных экономических преступлений.

Abstract: The Criminal Code of the Russian Federation contains three main articles that reflect criminal liability for crimes related to bankruptcy: illegal actions in bankruptcy (Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation); intentional bankruptcy (Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation) and fictitious bankruptcy (Article 197 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors give a criminal-legal description of these compositions, and also explore the problems of distinguishing bankruptcy cases from other economic crimes.

Ключевые слова: квалификация экономических преступлений, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями.

Keywords: qualification of economic crimes, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy, fraud, abuse of office.

Рассматривая проблемы квалификации преступных посягательств в сфере банкротства, необходимо рассмотреть вопрос о квалификации преступлений в целом. Во-первых, важным аспектом в вопросах уголовно-правовой ответственности за банкротные преступления является квалификация преступлений.

Уголовно-правовая оценка содеянного складывается из двух компонентов:

- 1) отграничения преступного от неправомерного;
- 2) квалификации преступного, то есть квалификации преступления.

Таким образом, оценка любого акта внешнего поведения человека подразумевает наличие двух составляющих: общую оценку деяния как преступного или не преступного и конкретную уголовно-правовую оценку преступного поведения, то есть квалификации преступления в узком смысле этого слова.

Определяя понятие квалификации преступления, необходимо отметить следующие обстоятельства. Во-первых, квалификация преступлений выступает как мыслительный процесс, так и результат этого процесса – конкретная уголовно – правовая оценка. Во-вторых, сам по себе термин квалификация преступлений по своему объему уже, чем сама деятельность, по уголовно-правовой оценке, поведения людей в силу чего более правильно говорить об уголовно-правовой квалификации деяний. Большинство авторов, определяя понятия квалификации преступлений, видят главный ее признак в установлении соответствия между деянием и его законодательной моделью (составом преступления).

При квалификации преступлений, в том числе и в сфере банкротства, встречается достаточно много ошибок. Одним из направлений совершенствования процесса квалификации преступлений является его алгоритмизация. Алгоритм представляет собой

некоторое предписание, однозначно задающее процесс преобразования исходной информации в виде последовательности элементарных дискретных шагов, приводящих за конечное число их применений к искомому результату.

Существует ряд спорных моментов и неясностей, возникающих в процессе квалификации преступных действий, подпадающих под признаки уголовно-наказуемого банкротства.

К данным нормам необходимо относить ст. 195-197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], которые предусматривают ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство.

Наиболее значимые проблемы квалификации возникают в процессе отграничение соответствующих действий от мошенничества (ст. 157 УК РФ), как хищения чужого имущества, как злоупотребление должностными полномочиями в коммерческой организации (ст. 201 УК РФ), как уклонение от уплаты налогов, сборов и обязательных платежей (ст. ст. 199, 199.1 УК РФ).

В первую очередь, необходимо отметить, что к перечню так называемых «криминальных банкротств» в уголовно-правовой науке принято относить составы преступлений, предусмотренных ст. ст. 195, 196 и 197 УК РФ. Это так называемое совершение неправомерных действий при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство.

Различные спорные вопросы квалификации норм УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, связанные с банкротством, постоянно находятся в центре внимания учёных, о чём свидетельствует сравнительно большое количество научных публикаций на этот счёт [2, 3].

Как отмечает Е.Н. Разыграева, банкротство, как с юридической, так и с экономической точки зрения создаёт проблемную ситуацию для кредитора и для самого должника. Целью применения института банкротства является создание механизма, который с максимально возможной выгодой для всех сторон позволит выйти из сложившейся проблемной ситуации для каждого участника такого процесса. Однако, данным механизмом могут воспользоваться недобросовестные лица, преследующие своей целью обман конкурентов, завладение чужим имуществом в результате совершения мошеннических действий, что и обуславливает необходимость введения соответствующих уголовно-правовых запретов [4].

Далее отметим, что необходимым признаком для квалификации действий виновных лиц является причинение в результате преступлений, предусмотренных ст. 195-197 УК РФ, крупного ущерба. В настоящий момент минимальный размер такого ущерба должен составлять не менее 2, 250 млн. руб. В случае если крупный ущерб не будет причинён, то аналогичные действия будут иметь своим последствием привлечение к административной ответственности по статьям 14.12 и 14.13 КоАП РФ.

В связи с этим, также одной из основных проблем квалификации данных преступлений является разграничение данных составов и мошенничества.

Сходность признаков между ними заключается в том, что все рассматриваемые составы преступления в качестве способа их совершения предполагают применение обмана, злоупотребление доверием. Обман в таких случаях может выражаться в ложном публичном утверждении о банкротстве, хотя, в действительности, соответствующие признаки отсутствуют. Кроме того, обман может быть выражен в несообщении о фактах, которые в силу указаний законодательства о банкротстве, подлежат обязательному обнародованию.

В качестве разграничительных признаков необходимо указать на объект преступления. В частности, при мошенничестве происходит незаконное завладение

имуществом потерпевшего, в то время как в случае с преступными банкротствами нарушается в первую очередь, порядок, установленный законодательством о банкротстве, нарушаются имущественные права и интересы кредиторов, в результате чего последние не получают удовлетворение своих требований имущественного характера.

Также предметом мошенничества является чужое имущество или права на него, в то время как при уголовно наказуемом банкротстве в качестве предмета преступления, кроме имущества и имущественных прав, могут выступать имущественные обязанности, а также информация о таком имуществе, его местонахождении и т.п. Однако, в случае с банкротствами, предмет преступления находится во владении «виновного» субъекта, а не во владении потерпевшего. Если же преступление, связанное с банкротством, совершается индивидуальным предпринимателем, то имущество, составляющее предмет преступления, вообще принадлежит последнему на праве собственности.

Кроме того, разграничение может быть связано с направленностью обмана. В случае с мошенничеством такой обман направлен на завладение чужим имуществом или правом на него. Применительно, например, к ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве), обман направлен, наоборот, на избавление от имущества, преследуется конечная цель противоправное уменьшение конкурсной массы (имущественной массы, за счёт которой должно производиться удовлетворение требований кредиторов).

Применительно к ст. 196 УК РФ, которой предусмотрена уголовная ответственность за преднамеренное банкротство, обман направлен на достижение юридически значимого результата – состояния банкротства индивидуального предпринимателя или субъекта. Такой обман может быть в форме создания фиктивной (ненастоящей) кредиторской задолженности, в частности, заключение изначально убыточных договоров и контрактов, создание долговых обязательств, в том числе в судебном порядке. Преступные мотивы в рассматриваемом случае могут иметь различный характер, в том числе уклонение от уплаты налогов и сборов, сокрытие всевозможных злоупотреблений (служебных преступлений). В результате совершения преступления причиняется вред гражданско-правового имущественного характера, который может быть выражен как в реальном ущербе, так и в упущенной выгоде.

Отличие фиктивных банкротств, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 197 УК РФ, от преступлений, предусмотренных ст. 195 и 196 УК РФ, заключается, прежде всего, в реальном отсутствии признаков несостоятельности у субъекта предпринимательства.

В реальности, финансово-экономические способности субъекта хозяйствования остаются на уровне, достаточном обеспечить выполнение последним своих имущественных обязательств, в связи с чем обман используется для создания видимости отсутствия таких возможностей. Конечной целью обмана в таком случае будет получение предусмотренных законодательством выгод от состояния банкротства.

В таком случае потерпевшая сторона, как правило, являясь кредитором, будучи введённой в заблуждение, добровольно предоставляет условному должнику преференции имущественного характера, считая, что спасает его от банкротства, хотя на самом деле, последнее отсутствует.

В связи с этим, разграничение мошенничеств и уголовно наказуемых банкротств в случае квалификации соответствующих деяний должно исходить из различий объекта преступного посягательства, направленности умысла, целей и мотивов совершения преступлений, особенностей общественно-опасных последствий и объективной стороны данных преступлений. Наиболее показательным критерием, среди данных различий, является характер причинённого ущерба.

Отметим, что проблемы квалификации уголовно наказуемых банкротств на разграничении последних с мошенничеством, не заканчиваются. Как отмечают М.Г. Жилкин и А.В. Земцова, в следственно-судебной практике нередко встречаются случаи, когда действия руководителей коммерческих организаций при наличии признаков у такой организации банкротства, квалифицируются как должностное преступление, совершённое против интересов коммерческой организации по признакам преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ [5].

В результате изучения судебной практики было обнаружено два противоположных по своим «выводам» судебных решений в идентичных ситуациях. Это постановление Клинского городского суда Московской области от 23.01.2015 года по уголовному делу № 1-2/2015 и приговор Кинельского районного суда Самарской области от 06.11.2014 года по уголовному делу № 1-276/2014.

В первом случае, изначально лицу было предъявлено обвинение как в неправомерных действиях при банкротстве о ч. 1 ст. 195 УК РФ, так и по ч. 1 ст. 201 УК РФ по признакам злоупотребления полномочиями. Сущность обвинения состояла в заключении восемнадцати договоров займа и незаконного отчуждения имущества возглавляемой им организации. Обвинение по ч. 1 ст. 201 УК РФ судом было признано необоснованным, поскольку данные действия в полной мере охватывались обвинением по ч. 1 ст. 195 УК РФ и уже получили свою оценку судом. Суд в своём решении приходит к выводу о том, что состав преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ, является основным по отношению к ст. 201 УК РФ.

В другом случае, в аналогичной ситуации Кинельский районный суд Самарской области признал лицо виновным в совершении совокупности преступлений, предусмотренных как ч. 1 ст. 195 УК РФ, так и ч. 1 ст. 201 УК РФ.

Как представляется, в обоих случаях имеет место ситуация, когда действия по отчуждению имущества и формированию необоснованной задолженности перед кредиторами являлись, по своей сути, отдельным видом (способом) злоупотребления полномочиями, предоставленными виновному лицу как руководителю организации. При этом в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ установлено правило квалификации действий виновных лиц при наличии конкуренции общей и специальных норм, когда предпочтение отдаётся именно специальной норме, которая, в рассматриваемом случае, является ст. 195 УК РФ. В связи с чем, в рассматриваемых случаях совокупность преступлений также должна отсутствовать.

Существует также проблема разграничения неправомерных действий при банкротстве от преступного уклонения от уплаты налогов (ст. 199.2 УК РФ).

Отмечается, что неуплата налогов и сборов, совершённая в условиях обстановки банкротства, подлежит квалификации по совокупности обоих преступлений. Также встречается мнение о том, что ст. 195 УК РФ поглощает ст. 199.2 УК РФ, которое было высказано П.С. Яни [6].

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что налоговое преступление будет считаться оконченным только с момента, когда прошли крайние (плескательные) сроки уплаты соответствующего налога, а до этого момента, совершённые действия уже будут подпадать под признаки неправомерных действий при банкротстве. В связи с этим, в зависимости от конкретных обстоятельств действия могут быть квалифицированы как по совокупности норм, так и по отдельности (например, общественно-опасные последствия в виде неуплаты налогов и сборов не успели наступить).

В качестве подведения итогов написания данного параграфа, укажем на наличие множества проблем, спорных моментов и неясностей, возникающих в процессе квалификации преступных действий, подпадающих под признаки уголовно-наказуемого банкротства. К данным нормам необходимо относить ст.ст. 195-197 УК РФ, которые предусматривают

ответственность за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство. Наиболее значимые проблемы квалификации возникают в процессе отграничение соответствующих действий от мошенничества (ст. 157 УК РФ), как хищения чужого имущества, как злоупотребление должностными полномочиями в коммерческой организации (ст. 201 УК РФ), как уклонение о от уплаты налогов, сборов и обязательных платежей (ст. ст. 199, 199.1 УК РФ).

Разграничение мошенничеств и уголовно наказуемых банкротств при квалификации соответствующих деяний должно исходить из различий объекта преступного посягательства, направленности умысла, целей и мотивов совершения преступлений, особенностей общественно-опасных последствий и объективной стороны данных преступлений. Наиболее показательным критерием среди данных различий является характер причинённого ущерба.

Разграничение «криминальных банкротств» и злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренного ст. 201 УК РФ, должно исходить из принципа выбора специальной нормы, исключающей совокупность данных преступлений. Исходя из чего, если преступные действия, связанные с распоряжением имуществом, совершены в связи с банкротством индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, то такие действия должны быть квалифицированы по статьям 195-197 УК РФ. Тот же принцип квалификации должен применяться при разграничении уголовно-наказуемых банкротств и криминального уклонения от уплаты налогов и сборов.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Яценко А.С. Преднамеренное банкротство: проблемы квалификации и разграничения смежных составов преступлений // Вестник БГУ. – 2015. – № 3. – С. 178-181;
3. Зуй И.В. Ответственность за преднамеренное банкротство в российском законодательстве // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4 (29). – С. 101-103.
4. Разыграева Е.Н. Криминальное банкротство – форма хищения? // Журнал российского права. – 2017. – № 5 (245). – С. 97.
5. Жилкин М.Г., Земцова А.В. К вопросу о применении норм об уголовной ответственности за криминальные банкротства // Общество и право. – 2017. – № 4 (62). – С. 34-41.
6. Яни П.С. Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретенного имущества. // Законность. – 2005. – № 4. – С. 13-17.

